
ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.34:1

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

**КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНДЕРА
В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ***Воронина Ольга Александровна**Институт философии Российской академии наук*

Целью данной статьи является анализ эволюции понятия «гендер» в социальном и гуманитарном знании. Термин «гендер» охватывает биологические (половые), психологические, социальные, культурные, символические аспекты жизни человека. Еще до введения этого термина в научный оборот в 1960-х гг. сам феномен был обнаружен в трех типах знания: в психологии и психиатрии при изучении различных форм сексуальности и сексуальной идентичности; в антропологических и этнографических исследованиях; в феминистской философии культуры. Это определило основные векторы изучения и осмыслиения гендера в течение нескольких десятилетий. Основную роль играла теория социокультурного конструирования гендера. Она развивалась параллельно с другими критическими и конструктивистскими научными концепциями, что в немалой степени обусловило ее принятие «академиками» и включение гендерного подхода в корпус научных исследований. Однако с развитием постмодернистской феминистской философии концепция гендера начинает переосмысляться, на смену конструктивистской приходит перформативная модель Джудит Батлер, согласно которой не только гендер, но биологический пол не существуют вне культурных рамок и властного дискурса. В рамках господствующего дискурса при помощи различных регламентирующих действий (перформативов) утверждается бинарная матрица пола, гендерной идентичности и гетеросексуальности. Однако Батлер отвергает эту модель, поскольку тела, половая и гендерная идентичность имеют разные конфигурации. Перформативная концепция пола была активно востребована в квир-проекте, поскольку давала обоснование для отвержения нормативной бинарной концепции телесности и соответствующей ей гетеросексуальности. Сегодня квир включает политическое движение, а также исследования и дискурсивную деконструкцию нормативной гетеросексуальности. Предложенный в квир-проекте вариант мозаичности, гибридности и релятивизма идентичности разрушает саму возможность социальных и политических преобразований в сфере гендерного равенства. Вместо этого квир-активисты выступают за призрачное равенство возможностей примеривать разные идентичности по личному выбору/прихоти. Теоретический радикализм квир на данном этапе делает маловероятным развитие новых социальных программ, а они, я думаю, необходимы. В отличие от этого гендерная теория (в ее феминистском, конструктивистском и культурно-символическом модусах) произвела значительный научный и социальный эффект. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании дало возможность более глубокого понимания человека и общества. Принцип достижения гендерного равенства акцептирован мировым сообществом и стал частью многих программ на международном и национальном уровнях. Однако проблемы в понимании соотношения пола и гендера, обнаруженные перформативной теорией и квир, актуализируются в ситуации распространения новых биотехнологий (от операций по смене пола до вспомогательной репродукции). Это требует проведения более широких исследований и продолжения дискуссий между различными школами.

Ключевые слова: бинарная матрица, власть, гендер, деконструкция, дискурс, идентичность, квир, конструктивизм, культура, перформативная теория, пол, постмодернизм, тело, феминизм, философия.

CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF GENDER IN THE CONTEMPORARY HUMANITIES

Olga A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is to analyze the evolution of the concept of gender in social knowledge and the humanities. The term «gender» encompasses biological (sexual), psychological, social, cultural, symbolic aspects of human life. Even before the introduction of this term into scientific publications in the 1960s, the phenomenon itself was discovered in three types of knowledge: in psychology and psychiatry when studying various forms of sexuality and sexual identity, in anthropological and ethnographic studies, and in the feminist philosophy of culture. This largely determined the main directions in the study and understanding of gender for several decades. The theory of socio-cultural construction of gender played the main role. It developed in parallel with other critical and constructivist scientific concepts, which in no small part led to its adoption by «academics» and the inclusion of the gender perspective in the body of scientific research. However, along with the development of postmodern feminist philosophy, the concept of gender undergoes redefinition. The constructivist model of gender is displaced by the performative concept of Judith Butler. She argues that not only gender but the biological sex does not exist outside the cultural framework and power discourse. The binary matrix of gender, gender identity and heterosexuality is approved within the framework of the dominant discourse with the help of various regulatory actions (performatives). Butler rejects this model because she claims that bodies, sex and gender identity have different configurations. The performative concept of sex was actively used in the queer project, as it provided justification for rejecting the normative binary concept of femininity and masculinity and the corresponding heterosexuality. Today, queer includes political movement, research, art, and discursive deconstruction of normative heterosexuality. The variant of mosaic nature, hybridity and relativism of identity proposed in the queer project destroys the possibility of social and political transformations in the sphere of gender equality. Instead, queer activists advocate an elusive equality of opportunity to try on different identities at one's own discretion. At the present stage, the theoretical radicalism of queer makes the development of new social programs unlikely, while they appear to be necessary. In contrast, gender theory (in its feminist, constructivist, and cultural-symbolic modes) has had a significant scientific and social impact. The use of the gender perspective in social knowledge and the humanities has provided better understanding of the individual and society. The principle of achieving gender equality has been accepted by the world community and has become part of many programs at the international and national levels. However, the problems in the understanding of the relation between sex and gender, discovered in performative and queer theory, become significant against a background of spreading biotechnologies (from sex reassignment surgeries to assisted reproduction). This requires wider research and further discussion among different schools.

Keywords: binary matrix, power, gender, deconstruction, discourse, identity, queer, constructivism, culture, performative theory, gender, postmodernism, body, feminism, philosophy.

В настоящее время термин «гендер» известен не только исследователям, но и широкой общественности. В конце ХХ в. гендерные исследования стали достаточно распространенными и даже вписанными в научный истэблишмент не только за рубежом, но и в России¹. Однако до

сих пор нет общепринятой дефиниции этого понятия, что связано со многими обстоятельствами объективного и субъективного порядка.

воначально термин не был принят научной общественностью. Более активное его использование началось в середине 1990-х гг. на фоне участия РФ в международных мероприятиях, присоединения к международным документам в области гендерного равенства, проведения летних школ по гендерным исследованиям и возникновения независимых центров гендерных исследований.

¹ В России термин впервые появился в научной публикации 1989 г. [Воронина О.А., Клименкова Т.А., 1992]. Пер-

И прежде всего — со сложностью самого феномена.

Целью данной статьи является анализ эволюции понятия «гендер» в социальном и гуманитарном знании. Впервые идея о том, что нормативные модели маскулинности и феминности определяются скорее культурой, чем биологическим полом, была высказана антропологом Маргарет Мид еще в 1930-е гг. на основе своих полевых исследований [Mead M., 1935, p. 278–280]. Через два десятилетия медицинский психолог Джон Мани стал использовать понятие «гендерная идентичность» при изучении гермафродитов. В конце 1960-х гг. психоаналитик Роберт Столлер, изучавший транссексуалов, в своих статьях и выступлениях на научных конференциях предложил аналитически разделить понятия «пол» для обозначения биологических характеристик человека и «гендер» для социокультурных ролей и идентичностей [Stoller R., 1968]. Возможно, этот термин так и не вышел бы за рамки узконаучных публикаций, если бы идею не подхватили и не развернули представительницы феминистских и женских исследований. Ведь задолго до введения термина «гендер» философ С. Де Бовуар («Second Sex», 1950) описала, как традиционная культура создает (конструирует) вторичность женщин на фоне «превосходства» мужчин. Таким образом, мы можем отметить, что уже на заре появления этого термина сам феномен был обнаружен в трех типах знания: в психологии и психиатрии при изучении различных форм сексуальности и сексуальной идентичности; в антропологических и этнографических исследованиях; в феминистской философии культуры. Это во многом и определило основные векторы изучения гендера.

Пока мы оставим в стороне первый вектор изучения гендера — медико-психологические исследования соотношения половой и гендерной идентичности. Нас в большей степени интересует развитие темы в социальном и гуманитарном знании. Прежде всего рассмотрим антропологические исследования, поскольку именно они в середине XX в. представили эмпирический материал, показывающий вариативность моделей и норм мужественности и женственности в различных этнокультурах. И речь идет не только о том, что в одной культуре мужчины могут играть женственные с за-

падной точки зрения роли, а женщины — маскулинные. Были обнаружены и более сложные для интерпретации случаи гендерных перверсий. Например, в одном из племен североамериканских индейцев существует феномен бердачей — когда биологически «нормальные» мужчины надевают одежду противоположного пола и ведут себя как противоположный пол. В другом племени младенцам-гермафродитам присваивается специальная гендерная роль, называемая «надл». Они носят женскую одежду, когда выполняют женские виды работ, и мужскую, когда выполняют мужскую работу. Однако им категорически запрещено участвовать в охоте и войне. В третьем индейском племени существует четыре гендерные роли — мужчина, женщина, Alyha и Hwame. Alyha — это биологические мужчины, которые хотят жить в женской роли. Они надевают женскую одежду и даже имитируют «критические дни». Hwame — это биологические женщины, которые хотят жить как мужчины. Они проходят специальную церемонию посвящения, носят мужскую одежду и играют мужскую гендерную роль. Однако Hwame запрещено участвовать в битвах и занимать властные позиции в управлении племенем [Sapiro E., 1986]. В Черногории, Косово и в Албании некоторых девочек родители воспитывали как мальчиков, потому что сыновья не рождались или рано умирали. А дом и земля — это наследство, передающееся только по мужской линии. «Вирджина» — это дочь, которую «назначили быть сыном», она становилась хозяином дома и играла мужскую социальную роль. Феномен социального конструирования гендера описывается и в отечественной этнографии. Так, в традиционной культуре чукчей принят символический гермафродитизм некоторых шаманов. Однако в случае гендерной дисфории легализован переход в другой социальный пол не шаманами, и это фиксируется в процессе возрастной инициации («превращенный пол») [Рабжаева М.В., 2002].

Разнообразные свидетельства о сложных взаимоотношениях между биологическим полом и социальными ролями, об этнической, исторической и социальной вариативности нормативной феминности и маскулинности накапливались и в рамках других наук, прежде всего в социальной истории, «новой истории»,

социологии [Зидер Р., 1997]. Разнообразные факты, противоречащие традиционным представлениям о том, что резко дифференцированная и иерархическая система социальных ролей мужчин и женщин жестко детерминирована биологическими различиями между ними, были обнаружены в ходе новых академических исследований.

Так, историки, экономисты и социологи, более подробно изучая социальный институт разделения труда между мужчинами и женщинами, которое существует практически во всех обществах, обнаружили, что представления о мужских и женских видах труда вариативны: работы, которые в одних регионах считались типично «мужскими», в других регионах нередко выполнялись женщинами. Исследования историков доказали, что разделение труда нельзя механически выводить из биологических различий между полами. В основе разделения труда часто лежат не биологические различия между женщинами и мужчинами или принципиальная биологическая неспособность женщин выполнить тот или иной вид работ. И проблема заключается не в самой системе разделения труда, а в той **оценке**, которую общество дает тем или иным его видам. В традиционном обществе система разделения труда между мужчинами и женщинами организована иерархически — и в зависимости от этого распределается власть и общественное признание.

Актуализированным в поле науки этот материал стал только в результате проблематизации пола в феминистской теории. Именно в процессе многолетних дискуссий о сущности «женщины» были сформулированы идеи, которые впоследствии легли в основу гендерной теории. Прежде всего это мысль о необходимости различать понятие пола как совокупности анатомо-физиологических особенностей и понятие гендер как созданного культурой образа (R. Unger). Но гендер — это не просто «культурная маска пола», это такой феномен, который превращает биологические различия между мужчинами и женщинами в иерархические отношения и структуры.

Такой подход, равно как и критика феминистками андроцентризма традиционной науки, были активно восприняты многими женщинами-исследовательницами и прежде всего антропологами. Феминистская критика

социальной антропологии была вызвана тем двусмысленным отношением к теме женского, которое имманентно присутствовало в этой дисциплине. С одной стороны, описание женщин всегда присутствовало в этнографических исследованиях, в первую очередь, благодаря традиционной озабоченности антропологов проблематикой родства и брака. Как констатировал Б. Малиновский, антропология — это изучение того, как мужчины обнимают женщин [цит. по: Moore H.L., 1988, р. 1]. Антропологи новой волны осознали, что проблема представленности женщин связана не с описанием, а с интерпретацией и пониманием эмпирических данных.

Новый подход был предложен Шерри Ортнер. Резюмируя представленные в сборнике «Woman, Culture & Society» («Женщина, культура и общество») материалы эмпирических исследований, она выдвинула гипотезу, что универсальной причиной гендерного неравенства является характерное для всех обществ и культур символическое отождествление женщин с природой, а мужчин — с культурой [Ortner S.B., 1974]. Развитие и подтверждение эта идея получила в других работах. Но особенно интересной представляется концепция антрополога и историка Гейл Рубин. Она предложила свою интерпретацию символического значения обмена женщинами в примитивных племенах, описанное К. Леви-Стросом в работе «Элементарные структуры родства». Он утверждал, что обмен женщинами («дарение женщин») между биологическими семьями является первым актом налаживания социальных отношений и означает «решительный разрыв человека с животными» [Levi-Strauss C., 1969, р. 51]. Но Рубин пришла к выводу, что обмен женщинами (и только женщинами) между племенами — это не просто способ социальных связей. Сущность этой традиции заключается в выражении мужской власти и в утверждении патриархального социального порядка. Г. Рубин первой ввела понятие пологендерной системы (sex/gender system), которую она определила как «набор соглашений, посредством которых общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности, в которой эти трансформированные сексуальные потребности удовлетворяются» [Rubin G., 1975, р. 171].

Иными словами, гендерная система фактически является иерархической структурой, основанной на приписывании биологическим отличиям символического значения. Целью этой системы, считает она, является концентрация материального и символического капитала в руках мужчин.

В 1980-е гг. в западных университетах стали развиваться учебно-исследовательские программы «женских исследований» (women's studies). Ученые — историки, социологи, экономисты, правоведы, философы — обнаружили, что научные концепции далеко не свободны от андроцентризма и маскулинизма [Воронина О.А., 2017]. Поиск новых методологических путей в социальном и гуманитарном познании привел к тому, что исследователи все чаще стали обращаться к гендерной теории и методологии. Не только феминистские теоретики, но и академические исследователи пришли к выводу, что необходимо создание новых концепций, позволяющих понимать и объяснять существующие различия между людьми. Эти новые подходы были призваны объяснить как радикальные социальные различия конструируются через гендер, расу, этничность.

Попытки нового понимания культуры и человека предпринимаются и в постмодернистских философских и психоаналитических концептах. Некоторые из этих идей оказывались очень плодотворными для гендерной теории. Конечно, прежде всего следует выделить концепцию тела как эффекта власти М. Фуко. Анализируя в работе «История сексуальности» исторические механизмы субъективации индивида через практики сексуальности, М. Фуко устанавливает связь власти, насилия, знания и сексуальности. Сексуальность определяется им не как биологическое проявление, а как социальный конструкт, связанный с изменением социальных конструкций власти. Фуко показывает, что история сексуальных отношений фактически является историей власти. Он интерпретирует тело как поверхность, на которую «записываются» социальные нормы посредством политических механизмов принуждения, медицинских практик и практик сексуальности. Один из важных выводов, который следует из работ Фуко, заключается в том, что гендерные маркировки субъективности являются неизменными биологически-

ми, а социально сконструированными и производимыми определенными типами властных стратегий. На этой основе культура определяется М. Фуко как *технология власти*, производящая в том числе и гендерное неравенство/гендерные неравенства.

Идеи о бинарной и иерархической структуре гендерных различий получили дополнительное обоснование в работах некоторых мыслителей, далеких от гендерной проблематики. Так, размышляя о бинарности западного типа мышления, Ф. де Соссюр отмечал, что значение какого-либо феномена задается через скрытый или явный контраст с другим феноменом, т.е. через фиксированную оппозицию. Позитивные определения базируются на отрицании или подавлении чего-то, что представляется как антитеза определяемого. Ж. Деррида поддержал мысль, что западная философская традиция покоятся на системе бинарных оппозиций, в которых различие феноменов основывается на доминировании одного над другим. Иными словами, многие понятия идеологически или культурно сконструированы, и для преодоления этого необходимо их деконструировать, т.е. разоблачать скрытую логику бинарной иерархии. Деконструкция значений бинарных оппозиций позволяет увидеть, что оппозиция сконструирована для определенных целей в определенном историческом контексте.

Применяя эти идеи к нашей теме, мы можем обнаружить, что в патриархатном дискурсе половые различия (контраст мужского/женского) служат кодированию или утверждению значения, которое буквально не относится к гендеру. В этом случае значение гендера становится связанным со многими типами культурных презентаций, а они, в свою очередь, формируют понятия, в которых организуются и понимаются отношения между женщинами и мужчинами. Так, мужчины постоянно выступают как некоторая норма, эталон, стандарт для сравнения при обсуждении вопроса о сходстве или различиях между полами. Вопрос всегда ставится следующим образом — *похожи женщины на мужчин или женщины отличаются от мужчин?* Иерархия полов не только продуцирует неравенство, но и придает социальную значимость половым различиям: пока биология одного пола являет-

ся социальным неудобством, а биология другого пола таковым не является, *оба пола одинаково различны, но не одинаково сильны*. Реальная проблема заключается не в том или ином биологическом отличии, но и в их социальной и культурной оценке. В демистификации этих бинарных оценок и заключается суть гендерной методологии.

Содержательно философские и гендерные дискурсы объединяют темы, которые параллельно обсуждаются с той и другой стороны — власть, субъективность, соотношение духовного и телесного — специфика современного научного знания. Однако философия по-прежнему довольно осторожно относится к использованию аналитической категории гендеря. В целом можно заметить, что более активно гендерный подход актуализируется в философии и теории культуры. Интервенция гендерных идей в теорию культуры выражалась в ярко выраженном интересе к анализу практик символизации и презентации пола. Гендер рассматривается как культурная метафора, которая при использовании в научной дискурсивной практике организует бинарное восприятие мира и производит нормирование культурных норм. Введение гендера как аналитической категории создает возможность деконструировать оппозицию между женщинами и мужчинами и одновременно обозначить, что такая оппозиция является механизмом создания социальной, культурной и политической иерархии. Понимание гендера как метафоры и символа характерно для философии, культурологии, лингвистики, теории коммуникации, литературоведения, а методом работы с материалом является деконструкция гендера и связанных с ним феноменов.

В социологии, социальной психологии, социальной истории, этнографии и антропологии чаще всего используется теория социального конструирования гендера. Идеи о социальном конструировании реальности, выраженные в работах А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкела, стали очень популярными в конце XX в. [Бергер П., Лукман Т., 1995; Труфанова Е.О., 2018]. Собственно идея гендера как социального конструкта известна по работе К. Уэст и Д. Зиммермана «Создание гендера» [Уэст К., Зиммерман Д., 1997]. В рамках этой концепции анализируют, как ген-

дер конструируется через институты социализации, разделения труда, семьи, массмедиа. Основными темами оказываются гендерные роли и стереотипы, гендерная идентичность, проблемы гендерной стратификации и неравенства. В гендерной психологии и педагогике изучают практики социализации, в ходе которых происходит принудительное принятие нормативной гендерной идентичности. Гендерная принадлежность индивида — это то, что человек сам создает и воспроизводит постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми.

Эти подходы характерны для конструктивистской гендерной теории, инкорпорированной в академическое знание. Она развивалась параллельно с другими критическими и конструктивистскими научными концепциями, что в не малой степени обусловило ее принятие «академиками» и включение гендерного подхода в корпус научных исследований. Критический социальный запал, унаследованный некоторыми гендерными теоретиками от феминистской теории, привел к тому, что принцип соблюдения гендерного равенства вошел в политическую повестку дня международного сообщества [Гендерное равенство..., 2008].

Однако вместе с развитием постмодернистской феминистской философии концепция гендера начинает переосмысливаться, на смену конструктивистской приходит перформативная модель. Зачатки этой идеи можно увидеть уже в работе Уэст и Зиммерман, в которой они проводят идею, что гендер создается (делается) самими индивидами в процессе повседневной жизни. Иными словами, гендер является не только социальным конструктом, но и продуктом представления (перформанса) определенных идей посредством языка, искусства, литературы, кино, научных теорий. Именно поэтому Тереза де Лауретис назвала гендер продуктом идеологии [Лауретис де Т., 1998, с. 136]. М. Фуко отмечал, что биологический пол и тело также находятся в сфере идеологического контроля, поскольку именно общество делит человеческие существа на мужчин и женщин (хотя биология не так однозначно бинарна), контролируя этот процесс посредством общественной морали, системы здравоохранения, законов о браке, о возрасте вступления в половую жизнь, норм и законов

[Современный философский словарь..., 1998, с. 183–186]. В бинарной гендерной культуре тела определяются как мужские или женские, им предписывается соответствующий гендер и гетеросексуальные желания. Иными словами, тела тоже конструируются.

В основе перформативной теории гендера, которую выдвигает Джудит Батлер, лежит фукианская трактовка субъектности. Фуко утверждал, что субъект является продуктом властного дискурса, и его бытие всегда отмечено подчинением. Батлер рассматривает генезис субъекта через подчинение на основе анализа механизмов становления и производства субъективности у Гегеля, Ницше, Фрейда, Фуко и Альтюсса. Помимо этого она использует постструктураллистский подход, апеллируя к этимологической общности в английском языке существительного субъект (a subject) и глагола подчиняться, покоряться (to subject). На этих основаниях Батлер построила свою концепцию «субъекта подчинения», который появляется в результате дискурсивных практик и не существует вне речевых актов и властных отношений. Она резко критикует попытки феминисток представить женщину как автономного субъекта, выдвигая два контраргумента. Во-первых, это эссециалистский подход, при котором утверждается единая концепция феминности. Во-вторых, и это еще более значимо с точки зрения Батлер, попытка интегрировать женщину в мужской дискурс субъективности ведет к укреплению бинарной матрицы и соответствующей ей нормы гетеросексуальности.

Батлер отвергает принятую в социальном знании дифференциацию анатомического пола как некоей природной сущности и культурного гендера, который специфическим образом трактует биологию для обоснования социального неравенства. Она утверждает, что эта концепция основана на представлении о существовании вне культуры некоей незыблемой «природы» мужчин и женщин. Однако, как считает Батлер, тело и гендер не существуют вне культурных рамок; «природа» недоступна нам в «чистом» виде, и ее понимание возможно лишь через знание, которое само является продуктом социальных институтов и властного дискурса. Таким образом, анатомия тела подвергается культурной интерпретации, которая утверждает неразрывность связи между анатомическим по-

лом, гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, формируя таким образом нормативную бинарную матрицу. Батлер оспаривает неразрывность этой связи на том основании, что любая гендерная идентичность, как и сама «норма», не существуют вне перформативных актов. Понятия перформативность/перформанс (*performativity/performance*) обозначают регламентирующие и регулирующие действия [Батлер Дж., 2000, с. 318]. Идея о том, что гендер формируется в процессе действий (*gender doing*), не нова. Уэст и Зиммерман давно писали, что феминность и маскулинность являются и процессом, и результатом постоянных повторений культурных практик (без начала и конца), типичных для той или иной гендерной идентичности: жестикуляции, форм артикуляции, моды, походки, общественных норм поведения и т.д. Гендерная идентичность формируется при помощи специальных действий, перформансов, демонстрации принятия правил общества. Однако в процессе перформанса происходит и оспаривание, смещение норм (что Батлер пытается показать на примере поведения трансвеститов, у которых облик и идентичность не совпадают). Продолжая развивать свою концепцию, Батлер оспаривает тезис Фрейда о том, что первичным фактором возникновения культуры и создания идентичности является запрет инцеста. Таковым, по ее мнению, является запрет гомосексуальности. Эдипов комплекс и его успешное разрешение, по ее мнению, возможны лишь при условии запрета гомосексуальности и утверждения гетеросексуальной нормы [Батлер Дж., 2000; Butler J., 1990, р. 16].

Возникновение перформативной концепции гендера связано с несколькими обстоятельствами. Это, во-первых, переориентация социальной и гуманитарной науки с изучения структуры на изучение деятельности (*agency*). Во-вторых, лингвистический поворот в философии, социологии и антропологии, который означал переосмысление социальных практик (в том числе так называемых новых сексуальностей) с точки зрения символических форм, в которые они облечены. «Перформанс и перформативность становятся новыми ключевыми понятиями культуры», — констатирует аналитик-культуролог Дорис Бахман-Медик. Если категория текста связана с пониманием и ин-

терпретацией смыслов, то при перформативном подходе возникает вопрос о том, какие действия создают культурные значения: «смыслообразующая сила человеческих действий» вновь оказывается в поле зрения [Бахман-Медик Д., 2017, с. 129]. Помимо этого, вместе с развитием процессов глобализации отмечается кризис идентичности. Плюрализм идентичностей, сексуальных ориентаций, социальных практик, жизненных стилей — это характерная черта общества постмодерна, в котором люди формируются в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта, а не как производители и солдаты (З. Бауман). Мужчинам и женщинам эпохи постмодернити не требуется тщательного проектирования своей идентичности, более ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, чтобы их можно было мгновенно перегруппировать; не следует допускать слишком прочных, мешающих свободе движения связей между компонентами. Прочность, как и постоянство в целом, теперь считаются признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру. Сексуальность тоже стала объектом вторжения культуры, половые характеристики личности, как и другие ее аспекты, не являются *данными* раз и навсегда, они должны быть *выбраны* и могут быть отвергнуты, если считаются неудовлетворительными или недостаточно удовлетворяющими. Не удивительно (хотя и печально), что новые поколения стремятся к «гибридности», квир-идентичности: «девочки, которые хотят быть мальчиками, мальчики, которые хотят быть девочками, мальчики и девочки, которые настаивают, что они — и то, и другое вместе; белые, которые хотят быть черными, чернокожие, которые хотят быть белыми; люди, которые идентифицируют себя как белые и черные, беззаботные и жесткие, маскулинные и феминные одновременно; или те, кто находит способы быть и не называть себя никак из вышеупомянутого» [Heywood L., Drake J., 1997, р. 8].

До эпохи постмодерна и глобализации идентичность формировалась в значительной степени на основе происхождения, расовой, религиозной принадлежности, национального единства. Теперь очевиден скорее разлом, переход,

пересечение, трансформация, мозаичность. Переключение с идентичности на различие заставило по-новому взглянуть на формирование культурной идентичности как на артикуляцию различий [Бахман-Медик Д., 2017, с. 243]. В современном мире из-за массовой миграции, информационной открытости и глобальной циркуляции культурных знаков и символов дихотомическая картина мира и старые способы построения идентичности разрушены.

Ситуация «мозаичной или множественной» идентичности детерминирует необходимость по-новому осмыслить соотношение биологического и социального в человеке. Так, если ранее людей с затруднениями гендерной идентичности формально (через обряды инициации) приписывали к той, которую они предполагали в противоположность своей биологии, то теперь стало возможным изменение биологического статуса таких людей при помощи технологий. Таким образом, помимо женщин и мужчин (как бы ни понимались их роли) стали появляться люди с другими поло-гендерными статусами². В связи с этим несколько лет назад социальная сеть Facebook ввела для пользователей англоязычной версии в США возможность выбора в профиле не менее 58 вариантов самоназваний и самоидентичностей поло-гендерной идентичности. Список включает все варианты, которые можно было обнаружить в сети на тот момент (2014 г.) — от традиционных «мужчина», «женщина», до малопонятных «неопределенчившийся» и «всеполый». Частично категории пересекаются и дублируются — например, термины «genderqueer» и «non-binary» используются для обозначения людей, принципиально отвергающих существование дихотомии полов. Публичное признание в современном обществе людей с ненормативной гендерной идентичностью³, выпадающей из

² По оценке Williams Institute в США насчитывается 700 000 трансгендерных индивидуумов, и по оценке американской организации Human Rights Campaign (HRC) примерно 10 % из них при заполнении графы «социальный пол» в различных анкетах пишут «трансгендер». Иногда еще уточняют — из мужчины в женщину или из женщины в мужчину [Райбман Н., Смирнов С., 2014].

³ Организация Объединенных Наций в 2018 г. включила в перечень базовых (критически необходимых) прав человека свободный доступ к операциям по смене пола [Гонтермакер Б., 2018].

бинарной матрицы, привело к появлению нового термина для обозначения этого феномена — квир (queer)⁴. Перформативная концепция пола была активно востребована в квир-исследованиях, поскольку давала обоснование для отвержения нормативной бинарной концепции телесности и соответствующей ей гетеросексуальности [Пулькинен Т., 1999, с. 177].

Первоначально квир использовался для позитивного самообозначения геев и лесбиянок. Сегодня он включает политическое движение, исследования и дискурсивную деконструкцию нормативной гетеросексуальности. Квир как политическое движение объединяет геев, лесбиянок, би-, транс- и интерсексуалов, трансвеститов и многих других носителей альтернативных форм сексуальности и представителей субкультур (ЛГБТ). Квир-исследования (распространенные в основном в университетах США и Германии) изучают гендерные идентичности в их историческом развитии, культурной значимости и в связи с этнической, классовой, возрастной, политической, экономической и т.д. принадлежностями [Техника «косого взгляда»..., 2015, с. 15].

Квир-теория определяется ее сторонниками как дискурсивная стратегия, «деконструктивистская фигура нестабильности, текучести и вариативности, “косого”, децентрирующего взгляда на структуры общества и его властные отношения». Эта стратегия, утверждают его адепты, может выступать «как инструментом анализа, так и эстетическим и/или политическим механизмом деконструктивистского смыслопроизводства, которое направлено на вскрытие и дестабилизацию иерархий, основанных и легитимируемых господствующей гендерной и сексуальной политикой» [Техника «косого взгляда»..., 2015, с. 16]. Квир-стратегия нацелена на оспаривание концепции маскулинности и феминности, на разрыв связи между идентичностью и предписываемыми ей сексуальными практиками; она отвергает бинарность гетеро/гомо и выступает за признание сексуального плюрализма (вплоть до садомазохизма) [Техника «косого взгляда»...,

2015, с. 16]. Квир-стратегия и квир-эстетика (квир-искусство) нередко выступают как синонимы; их задачи декларируются как поиски новых способов самовыражения квир, не использующих язык и средства презентаций господствующих (гетеросексуальных) дискурсов. Например, в своем романе «Письмена на теле» Джанет Уинтерсон использует только местоимения первого и второго лица единственного числа, которые в английском языке не имеют рода. Остается неясным, идет ли речь о герое или героине, и именно это является основой драматургического конфликта. Фильмы «Жестокая игра» (Нил Джордан, 1992) или «Парни не плачут» (Кимберли Прайс, 1999) представляют эстетику немаркированного пола героев.

Иногда квир представляют как продолжение и расширение гендерных исследований — такова, в частности, позиция авторов сборника «Техника косого взгляда». Однако это представляется неверным. Квир-концепт (квир-стратегия) выглядит пока скорее как арт-проект, чем как теория, пусть даже и неклассического типа. Понимание внутренних механизмов взаимодействия биологических основ сексуальности, сексуальной ориентации, половой и/или гендерной идентичности (как и отказ от последней) пока не стало задачей этих исследований. Речь идет скорее об утверждении статуса квир наравне с другими культурными проектами. Более того, квир-концепт фактически не предлагает позитивной программы, а идея плюрализма сексуальных практик, вплоть до социально агрессивных (вроде садомазохизма), не кажется многим столь заманчивой.

В заключение необходимо кратко подвести итоги.

Гендерная теория (в ее феминистском, конструктивистском и культурно-символическом модусах) произвела значительный научный и социальный эффект. Использование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании дало возможность более глубокого понимания человека и общества. Принцип достижения гендерного равенства акцептирован мировым сообществом, он стал частью многих программ на международном и национальном уровнях.

⁴ Queer — букв. противоставленный правилам, вопреки нормам.

Что же касается радикальной деконструкции гендера в квир и перформативной теории, то ее заслугой, возможно, стоит считать выявление некоторых не до конца осмысленных проблем гендерной теории. Но при этом, как справедливо отмечает Анна Номеровская, «отличительным признаком перформативов является отсутствие у них истинностного значения, так как их верификация невозможна или затруднена» [Номеровская А.Д., 2015, с. 80]. Но тогда невольно возникает вопрос: а как работать с этим вне абстрактных теоретических построений? Предложенный в квир-проекте вариант мозаичности, гибридности и релятивизма идентичности разрушает саму возможность социальных и политических преобразований в сфере гендерного равенства. Вместо этого квир-активисты выступают за призрачное равенство возможностей примеривать разные идентичности по личному выбору/прихоти. Но такой релятивизм пока трудно понимается и принимается даже на уровне теории, не говоря о практических мерах. Теоретический радикализм квир на данном этапе делает маловероятным развитие новых социальных программ, а они, по нашему мнению, необходимы. Однако проблемы в понимании соотношения пола и гендера, обнаруженные перформативной теорией и квир, актуализируются в ситуации распространения новых биотехнологий. Это требует проведения более обстоятельных исследований и продолжения дискуссий между различными школами.

Список литературы

- Батлер Дж.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–346.
- Бахман-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер с нем. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Воронина О.А.* Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 141–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151.
- Воронина О.А., Клименкова Т.А.* Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / под ред. З.А. Хоткиной. М., 1992. С. 10–22.
- Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. О.А. Воронина.* М.: Макс-Пресс. 2008. 768 с.
- Гонтермахер Б.* ОНН включила смену пола в список базовых прав человека // Панорама. 2018. 11 апр. URL: <https://panorama.pub/2792-oop-vklyuchila-smenu-pola.html> (дата обращения: 16.09.2018).
- Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1997. 301 с.
- Лауретис де Т.* Американский Фрейд // Гендерные исследования. Харьков, 1998. № 1. С. 136–137.
- Номеровская А.Д.* Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.
- Пулькинен Т.* О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. С. 167–181.
- Рабжаева М.В.* Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 2. С. 133–147.
- Райблман Н., Смирнов С.* Facebook предложила пользователям 58 полов на выбор // Ведомости. 2014. 14 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshiryaet-profil-polzovatelej> (дата обращения: 16.09.2018).
- Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова.* Лондон и др.: Панпринт, 1998. 1064 с.
- Техника «косого взгляда».* Критика гетеронормативного порядка / под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
- Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
- Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера / пер. с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные тетради. Вып. 1: Труды СПб-филиала ИС РАН. СПб., 1997. С. 94–120.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990, 256 p.
- Heywood L., Drake J.* Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 280 p.
- Levi-Strauss C.* The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969. 524 p.

Mead M. Sex and Temperament in three Primitive Societies. N.Y.: W. Morrow & Company, 1935. 335 p.

Moore H.L. Feminism and Anthropology. Cambridge: Polity Press, 1988. 320 p.

Ortner S.B. Is Female to Male as Nature is to Culture? // Woman, Culture & Society / ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. P. 67–88.

Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // Toward an Anthropology of Women / ed. by R.R. Reiter. N.Y.: Monthly Review Press, 1975. P. 157–210.

Sapiro E. Women in American Society: an Introduction to Women's Studies. Mountain View, CA: Mayfield Publishing Co., 1986. 511 p.

Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. N.Y.: Science House, 1968. 383 p.

Получено 27.09.2018

References

- Bachmann-Medik, D. (2017). *Kult'urnye poveroty. Novye orientiry v naukakh o kulture*. [Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 504 p.
- Berger, P. and Lukman, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Moscow: Medium Publ., 323 p.
- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London: Routledge, 256 p.
- Butler, J. (2000). *Genderne bespokoystvo* [Gender Trouble]. *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei Publ., pp. 297–346.
- De Lauretis, T. (1998). *Amerikanskiy Freud* [American Freud]. *Genderne issledovaniya* [Gender Studies]. Kharkov, no. 1, pp. 136–137.
- Gontermakher, B. (2018). *OON vklyuchila smenu pola v spisok bazovykh prav cheloveka* [The United Nations has included gender transition in the list of basic human rights]. *Panorama*. Apr. 11. Available at: <https://panorama.pub/2792-oon-vklyuchila-smenu-pola.html> (accessed 16.09.2018).
- Gradinari, I. (ed.) (2015). *Tekhnika «kosogo vzglyada». Kritika geteronormativnogo poryadka* [Technique Oblique view. Criticism of heteronormative order]. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 352 p.
- Heywood, L. and Drake, J. (1997). *Third-Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 280 p.
- Kemerov, E.V. (ed.) (1998). *Sovremenny filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. London et al.: Panprint Publ., 1064 p.
- Levi-Strauss, C. (1969). *The Elementary Structures of Kinship*. Boston: Beacon Press, 524 p.
- Mead, M. (1935). *Sex and Temperament in three Primitive Societies*. New York: W. Morrow & Company, 335 p.
- Moore, H.L. (1988). *Feminism and Anthropology*. Cambridge: Polity Press, 320 p.
- Nomerovskaya, A.D. (2015). *Issledovanie gendernoy identichnosti v filosofsko-antropologicheskoy perspektive: dis. ... kand. filos. nauk* [The research of gender identity in the philosophical and anthropological perspective: dissertation]. Saint-Petersburg, 168 p.
- Ortner, S.B. (1974). Is Female to Male as Nature is to Culture? *Woman, Culture & Society*. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 67–88.
- Pulkkinen, T. (1999). *O performativnoy teorii pola. Problematizatsiya kategorii pola Judith Butler* [On the performative theory of sex. The problematization of the categories of sex by Judith Butler]. *Germenevtika i dekonstruktсиya* [Hermeneutics and deconstruction]. Saint-Petersburg, pp. 167–181.
- Rabzhaeva, M.V. (2002). *Genderaya antropologiya: kontseptualnaya i institutsionalnaya kharakteristika* [Gender anthropology: conceptual and institutional characteristics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 5, no. 2, pp. 133–147.
- Raibman, N., Smirnov, S. (2014). *Facebook predlozhila pol'zovatelyam 58 polov na vybor* [Facebook offered users 58 sexes to choose from]. *Vedomosti*. Feb. 14. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2014/02/14/facebook-rasshiryaet-profil-polzovatelej> (accessed 16.09.2018).
- Rubin, G. (1975). The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex. *Toward an Anthropology of Women*. New York: Monthly Review Press, pp. 157–210.
- Sapiro, E. (1986). *Women in American Society: an Introduction to Women's Studies*. Mountain View CA: Mayfield Publishing Co., 511 p.
- Stoller, R. (1968). *Sex and gender: on the development of masculinity and femininity*. New York: Science House, 383 p.
- Trufanova, E.O. (2018). *Sub'ect i poznanie v mire sotsialnykh konstruktsiy*. [Subject and knowledge in the world of social constructions]. Moscow: Canon+ Publ., ROOI «Rehabilitation» Publ., 320 p.

Voronina, O.A. (ed.) (2008). *Gendernoe ravenstvo v sovremenном mire* [Gender equality in the modern world: the role of national machinery]. Moscow: Max-Press Publ., 768 p.

Voronina, O.A. (2017). *Osnovnye idei i kontsepty feministeskoy sotsial'noy epistemologii* [Main ideas and concepts feminist social epistemology]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Vol. 2, pp. 141–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-141-151.

Voronina, O.A. and Klimenkova, T.A. (1992). *Gender i kul'tura* [Gender and culture]. *Zhenschiny i sotsial'naya politika* [Women and social politics

Об авторе

Воронина Ольга Александровна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора
философии культуры

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

(gender aspect)]. Moscow: ISEPN Publ., pp. 10–22.

West, K. and Zimmerman, D. (1997). *Sozdanie gendera* [Doing gender]. *Gendernye tetradi* [Gender Notebooks]. Iss. 1: Proceedings of St. Petersburg Branch of Inst. Of Sociology of RAS, Saint Petersburg, pp. 94–120.

Zider, R. (1997). *Sotsial'naya istoriya sem'i v zapadnoy i tsentralnoy Evrope (konets XVIII–XX ve-ka)* [Social history of the family in Western and Central Europe (late 18th and 19th centuries)]. Moscow: VLADOS Publ., 301 p.

Received 27.09.2018

About the author

Olga A. Voronina

Doctor of Philosophy,
Leading Researcher (Professor) of the Department
of Philosophy of Culture

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: olga-voronina777@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1122-2886

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Воронина О.А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 5–16.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16

For citation:

Voronina O.A. Construction and deconstruction of gender in the contemporary humanities // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 1. P. 5–16. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16